

Феликс Кохрихт

Дело мастера Гозака

Одесский регион издавна отличался числом и разнообразием народов, живущих здесь. Одни населяли его изначально, иные нашли здесь вторую родину и многое сделали для становления и процветания Одессы и окружающих ее городов и сел. На сегодняшний день по официальным данным здесь проживают представители 133 диаспор – более всего в Украине. Среди них, вернее, среди нас – и уроженцы стран, входивших ранее в состав Австро-Венгрии. Более всего – из Чехии и Словакии, обретших государственность после первой мировой войны и череды катаклизмов. Среди которых и распад империй. Раньше их было побольше, но многих раскидала по свету вторая мировая, а иные вернулись на историческую родину в недавнее время. Такова судьба и семьи Гозак, в которой отец был словаком, а мать чешкой. Сегодня одна из дочерей живет в Чехии, а ее сестра с дочерью и брат – в Одессе.

И Вера Иосифовна Гозак, и ее мать тоже побывали в Чехословакии и даже собирались там остаться, но все же возвратились в Одессу, где их ждал отец Иосиф Павлович, не пожелавший покидать город, в котором родился и который считал родным.

Вера вернулась на метизный завод имени Иванова, где начала трудовую биографию и где до выхода на пенсию работал отец. Он считался одним из самых опытных и уважаемых мастеров по работе с проволокой – материалом трудным, требующим особой сноровки и особых умений. Их он получил от своего отца Павла Ивановича Гозака, о котором в основном и пойдет речь в этих заметках.

Вера деда не застала: он умер в 1945-м, за два года до ее рождения. В семье хранились и входили в домашний обиход предметы, сделанные его руками, – клетка для птицы, плетенные из проволоки корзиночки, рамки, да и вещи попроще – терки, формочки для тортиков, мышеловка...

Сын научился у отца секретам ремесла, но, честно говоря, тот оставался мастером № 1. Все это Вера узнала во время своего детства-юности. Работящая, хорошего нрава, она пользовалась уважением и симпатией коллектива и даже несколько лет была депутатом райсовета. Старой жизнью, историей семьи не особенно интересовалась, но все же иногда, правда, вполуха, слушала рассказы отца о том, что Гозаки были зажиточной и уважаемой семьей, что у них был собственный дом на улице Болгарской, 30, где кроме обширной квартиры (все же 11 детей, родители, обслуга) была еще и мастерская, которой владел дед – Павел Иванович Гозак... Ей, родившейся в скромной квартире на Молдаванке, живущей от зарплаты до зарплаты, было странно слышать о такой шикарной жизни, о которой она

Павел Гозак

знала только из трофейных фильмов – их крутили в летнем кинотеатре... А когда она услышала, что одна из ее теток, Людмила, окончила гимназию, то вовсе перестала обращать внимание на воспоминания отца, которого, надо сказать, очень любила...

Вообще-то, в семье мало говорили о прошлом. И на то была серьезная причина. Иосиф Павлович Гозак, его братья и сестры принадлежали тому поколению наших соотечественников, для которых принадлежность не только к дворянству, белому движению, купечеству, высокому духовенству, но и к успешным ремесленникам, к так называемым «кулакам», составившим состояние своим трудом, сулила притеснения и репрессии со стороны большевистского режима. Люди стремились скрыть свою классовую «неполноценность» не только перед чужими людьми, но и перед своими детьми.

Лишь перед смертью отец передал Вере пожелтевшие от времени бумаги, несколько старых фотографий, две старинные медали и лист из какой-то газеты – рекламу, суть которой она не сразу и поняла:

Надо сказать, что и после, спустя годы, уже сама будучи на пенсии, она лишь с помощью дочери Яны узнала из публикаций в Интернете, кем же был ее дед, но многое оставалось, да и остается неясным.

Мы знакомы с Верой много лет, и она поделилась с нами тем, что знает о своей семье. И она меня заинтересовала как часть биографии Одессы – города многонационального, где у каждого этноса своя история, часть нашей общей.

А сейчас о том, что же я, изучив документы и реликвии, рассказал Вере, прожившей большую и нелегкую жизнь, обремененную и сегодня заботой о семье... Самое удивительное состоит в том, что она буквально до недавних дней не вчитывалась в текст этой рекламы. Она и вчера, передавая мне документы, полагала, что у ее деда была мастерская, где он и один-два подмастерья плели корзинки из проволоки и мастерили утварь...

А ведь это было:

«Специальное заведение проволочных, жестяных и луженых изделий», которое, судя по всему, снабжало ими не только одесских и всероссийских потребителей, но и зарубежных. Продукция наших земляков завоевала медали международных выставок, которые я держал в руках. Одна из них – с гербом Рима.

...*Фирма* (а это была именно фирма) *Павла Гозака*, оказывается, была основана еще в 1879 году и затем «перевезена из Киева» в Одессу.

Из сообщений родственников, которых Вера Иосифовна недавно отыскала в Словакии, и по воспоминаниям о давних рассказах отца сегодня она знает, что Гозаки происходили из бедной словацкой деревни, где большинство мужчин столетиями занимались редким и трудоемким занятием – плели из проволоки утварь и даже художественные изделия. Это ремесло – искусство, хотя и не приносило особых доходов, было востребовано в Европе. Вот мастера и перемещались из страны в страну. Таким образом, вероятно, молодой Павел Гозак оказался в России – в Петербурге, Киеве, а затем и в Одессе. Один из сыновей Павла Гозака, Александр, жил в Словакии, но следы его затерялись.

История превращения мастера во владельца фирмы еще ждет своего исследователя. Надеюсь, что она заинтересует наших знатоков старой Одессы – Олега Губаря и Анатолия Дроздовского...

Один из сыновей Павла Гозака, Александр, жил в Чехословакии, но его следы, к сожалению, затерялись...

К сожалению, в нашем городе традиции мастера Гозака не нашли продолжателей, но в Словакии живет двоюродный племянник Веры Иосифовны Роберт Гозак, известный мастер-художник, выставляющий свои композиции из проволоки и в Интернете, и на выставках. Вера и Яна ждут от него новых сведений о предках.

И в заключение вот о чем. Вера Гозак ходила на Болгарскую, смотрела на дом № 30, где ее отец провел несколько безмятежных детских лет и где могла жить и она, – и ждала бы ее совсем другая жизнь... Она относится к тому, что узнала в последнее время, спокойно и ни о чем не жалеет. Никому не завидует, ни на что не претендует.

Не печалится и том, что не осталась в Чехии, говорит о себе: «Я – одесситка», – повторяя в этом своего отца, сына мастера Гозака.

